

Василий Новицкий ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ЖАНДАРМА

В. Д. НОВИЦКИЙ (Из личных воспоминаний)

Жандармский генерал В. Д. Новицкий был яркою фигурой в Киеве, где он подвизался в течение более четверти века, — с конца семидесятых годов прошлого века до начала нового века, почти все это время в качестве начальника жандармского управления.

В самом начале 1896 г. я выбрал местом своего жительства город Киев как один из наиболее крупных умственных центров, доступных мне (въезд в Петербург и Москву был мне запрещен). Покойный В. Л. Беренштам¹ очень отсоветовал мне делать это, так как Новицкий, по его словам, неизбежно должен был отравить мне жизнь в Киеве. Я не послушал доброго совета и,

---

¹ *Беренштам* В. Л., статский советник, учитель Киевской военной гимназии, был казначеем украинской «Старой Громады». Когда в 1876 г. деятельность кружка была прекращена, Б. был выслан из Киева. Прибыв в Швейцарию, Б. принимал деятельное участие в устройстве Женевской типографии и в издании журнала «Громада».

действительно, очень скоро должен был завязать с Новицким подневольное и весьма неприятное знакомство, притом в первый раз будучи совершенно ни в чем неповинным с жандармской точки зрения (конечно, если не считать прошлых, имевших уже десятилетнюю давность, грехов, за которые я уже сполна расплатился тюрьмой и ссылкой).

Это случилось в 1898 г., помнится, 12 марта.

Я жил тогда с женой в нижнем этаже небольшого деревянного дома-особняка, стоявшего совсем отдельно в глубине большого сада. В верхнем этаже того же домика жил некто Эвенсон, с женой и бесчисленным множеством маленьких детей, до грудных включительно. Мы с женой сдавали комнату молодому человеку Вержбицкому.² И я, и моя жена стояли тогда совершенно в стороне от какой бы то ни было политической деятельности, Эвенсоны — тем

---

² *Вержбицкий* Анатолий Францевич (1875–1922). В 1895 г. жил в Швейцарии, поддерживая сношения с П. Б. Аксельродом и др. с.-д. В марте 1898 г. был арестован в числе других членов киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»; с 11 марта по 18 авг. 1898 г. сидел в тюрьме, а затем выслан из Киева под надзор полиции на 2 года вне университетских городов и фабричных районов. В дальнейшем работал в качестве агронома.

более, и «преступником» из нас был разве только Вержбицкий. К нему хаживал член местного с.-д. комитета. Его выследили, определили, в какой дом он ходит, но не могли выяснить, к кому именно. Кого же арестовать? Новицкий решил дело очень просто: он приказал арестовать все взрослое население дома. Был арестован Вержбицкий, были арестованы мы с женой, были арестованы и Эвенсоны; и дети их, из которых старшему было 10 лет, были брошены на произвол судьбы.

Когда жандарм, в четвертом часу ночи, подвозил меня на извозчике к тюрьме, я убедился, что не один я и не один наш дом подвергся ночному набегу. По пустынной даже днем — а тем более ночью — улице, ведущей к тюрьме, возвращались один за другим свободные извозчики, у ворот тюрьмы стояло их несколько, а в конторе тюрьмы я встретил нескольких арестованных молодых людей, мне совершенно незнакомых.

За недостатком одиночных камер большинство арестованных, и я в том числе, были рассажены по общим камерам, человек по 30–40 в каждой. В первый же день удалось выяснить, что арестовано в одну ночь было до 150 человек, что обысков было еще больше и что арестованные, в громадном большинстве, были вовсе незнакомы друг с другом (само собою разумеется, в тюрьме они перезнакомились, и было завязано не мало

прочных дружеских связей). Подбор арестованных был совершенно случайный; Новицкий просто запустил невод в мало знакомые ему воды: авось кроме мелкоты, которую можно будет выпустить, попадется и крупная рыба.

В первый же день было выпущено несколько человек, в том числе жена Эвенсона, а затем, дней через шесть, понемногу Новицкий начал выпускать всю мелкую рыбешку, неинтересную с жандармской точки зрения, и мы с женой, а также Эвенсон, имели счастье попасть в это число. За нами последовали многие другие.

Мы были выпущены без единого допроса, без предъявления нам какого бы то ни было обвинения, просто — за ненадобностью, и, очевидно, Новицкому не приходило даже в голову, что он совершал какое-то насилие над людьми и что это насилие, конечно, не может служить на пользу тому режиму, которому он служит. Это насилие усугублялось (по крайней мере для меня) тем, что мои бумаги, в том числе несколько начатых литературных работ, имевших срочный характер, были возвращены мне только через полгода, когда они уже потеряли всякий смысл для меня. Была отобрана у меня и пишущая машина, совершенно законно мною купленная и ни в какой противоправительственной деятельности не замеченная. Я жаловался генерал-губернатору

Драгомирову.³ Ответ на жалобу получил от Новицкого: он меня призвал и с чрезвычайным чувством собственного достоинства заявил мне, что никаких жалоб он не боится, что он имеет связи в высших сферах, и что машину и бумаги он мне не отдаст или отдаст тогда, когда сам захочет, а что если я буду и дальше жаловаться, так мне же достанется. Машинку он отдал через полгода после этого.

Лов, учиненный Новицким, не был, во всяком случае, вполне безрезультатным: на сотню людей, которых пришлось выпустить, нашлось дюжины две людей, прикосновенных к революционной деятельности, и они пригодились Новицкому. Среди них был, между прочим, студент Киевского университета Н. А. Бердяев,⁴ ныне небезызвестный

---

³ *Драгомиров* Михаил Иванович (1830–1905), ген.-адъютант, ген. от инфантерии. Известный военный писатель. В 1877–1878 гг. участвовал в русско-турецкой войне. В 1878–1889 гг. занимал должность начальника Академии Генерального штаба, а затем был назначен командующим войсками Киевского военного округа. В 1898–1904 гг. был киевским, подольским и волынским генерал-губернатором. В 1903 г. назначен членом Гос. совета.

⁴ *Бердяев* Николай Александрович, публицист, философ. Род в 1874 г. В 90-х годах принимал участие в с.-д. движении в Киеве. После ареста в 1898 г. был исключен из студентов

публицист, тогда отправленный в Вологду за участие в работе социал-демократической партии. Повод для массовых арестов 12 марта дал, как я узнал позднее, социал-демократический съезд (кажется, в Минске), на котором была основана социал-демократическая партия, и в числе арестованных были и киевские делегаты, вернувшиеся с этого съезда. Но, ища членов партии, Новицкий счел возможным произвести полтораста арестов людей, из которых громадное большинство никакого отношения к социал-демократической партии не имели, а многие относились к ней даже отрицательно.⁵

Так, вместе со мною сидел один рабочий, совершенно не затронутый до тех пор

Киевского ун-та и сослан в 1900 г. в Вологодскую губ. на 3 года. Уже тогда Бердяев начал отходить от марксизма, перейдя сначала к идеализму, а затем к мистицизму. В 1922 г. выслан за границу.

⁵ Относительно повода к арестам Водовозов ошибается: о первом съезде (начало марта) власти узнали гораздо позже и общие, захватившие всю Россию, аресты были вызваны тем, что к тому времени наблюдением была выяснена широкая сеть с.-д. организаций и входящих в их состав лиц. К дознанию по Киеву было привлечено сто человек, среди которых были руководители тогдашнего с.-д. движения в Киеве, как Б. Эйдельман, Л. Тесслер и др.

социал-демократической пропагандой. Все время плакался он на свою участь и на Новицкого и говорил, что царь-батюшка, наверное, не знает о том, что его именем делают разные негодяи, и что было бы очень хорошо, если бы кто-нибудь довел об этом до его сведения.

Человек крайне жалкого образования, грубый, жестокий и неумный, сыщик по страсти, но без всякого сыщицкого таланта, Новицкий современного революционного движения, разумеется, совершенно не понимал. Настолько не понимал, что очень часто и очень многим выражал глубокое и, очевидно, совершенно искреннее удивление по тому поводу, что евреи могут принимать участие в революционной деятельности.

— Ну, русские, это я понимаю; отчего же им не позабавиться? Но евреи! Ведь действительно же их положение тяжело, и наказываем мы их куда построже, чем русских; чего же они еще лезут? Неужели им этого мало?!

Для него революционное движение вызывалось, очевидно, не тяжелыми условиями жизни, не социальным неравенством и не политическим гнетом, а наоборот, тем, что люди с жиру бесятся; если же на его пути встречались люди, революционность которых слишком явно противоречила его теории, то он недоумевал, искренно негодовал на них и столь же искренно

мстил им, как за личную ему обиду.

Совершенно естественно, что разобраться в психологии революционеров он был совершенно не в состоянии, отличить различные течения в их среде — тоже, почему он и мог предъявлять одному и тому же человеку обвинение в одновременной принадлежности к социалистско-революционной и социал-демократической партии.

Я сказал, что он был сыщиком по страсти, но без сыщицкого таланта. Может быть еще более он был палачом по страсти. Сыск тонкий, построенный на психологии, его тяжеловесному уму был недоступен. Он понимал физическую силу, угрозу; он рычал, топал ногами на арестованных, особенно на рабочих, угрожал им всяческими карами и иногда у слабых людей вынуждал предательство, но редко. Для большинства его приемы были слишком грубы, слишком примитивны. В этом, и почти только в этом, состояла его система сыска. Опутать арестованного сетью лжи, затронуть его самолюбие, сыграть на его благородстве и этим путем довести до сознания или даже до предательства, как это умел делать Зубатов,⁶ Новицкий не мог. Нужно отдать ему

---

⁶ Зубатов Сергей Васильевич (1864–1917). Не окончив гимназии, поступил на службу в почтово-телеграфное ведомство. В 80-х годах был членом московского

справедливость, что и провокации он не признавал, потому ли, что она требовала большей изворотливости, чем отпущенная ему природой, а может быть и потому, что она возмущала даже и его покладистую жандармскую совесть.

Совершенно естественно, что, как жандарм, Новицкий стоял совершенно не на высоте своей задачи. Он был страшен отдельным людям, попавшим в его руки, он был страшен для мирных обывателей Киева, пожалуй, для умеренного либерализма, но революционное движение шло мимо него, страдая от него гораздо меньше, чем от более тонких героев сыска, как Зубатов, а может быть и выигрывая от него: слишком многим он преподавал прекрасный урок русского государственного права и слишком многих он заставил серьезно задуматься над достоинством русского государственного строя. К сожалению, я не знаю судьбы того благонамеренного рабочего, о

народовольческого кружка. В 1885 г. З. вошел в сношения с начальником московского охранного отделения Бердяевым, работая в качестве секретного сотрудника. С раскрытием его секретного сотрудничества, З. перешел на службу охранного отделения, сначала в качестве филера, а потом чиновника особых поручений при департаменте полиции и был назначен заведывающим особым отделом. 17 сентября 1903 г. был уволен от службы. В марте 1917 г. покончил жизнь самоубийством. О Зубатове см. еще в тексте, глава XVII.

котором я уже говорил, но не было бы ничего удивительного, если бы, пройдя школу Новицкого, он оказался вполне готовым революционером. А таких за четверть века были тысячи.

Промахов Новицкий делал массу. Я расскажу об «ибсеновском деле», близко мне знакомом.

В 1899–1900 гг. жажда знания в киевской молодежи, при почти полной невозможности устраивать публичные лекции, вызвала устройство ряда научных рефератов в частных квартирах, на которые собиралось 30–80 человек. Читали: Н. А. Бердяев А. В. Луначарский,⁷ покойный М. Б. Ратнер,⁸ Е. В. Тарле⁹ и я. На один из таких

---

⁷ *Луначарский* Анатолий Васильевич. Род. в 1875 г. в Полтаве. В с.-д. движении принимает деятельное участие с 1897 г. Сотрудничал в целом ряде большевистских органов («Вперед», «Пролетарий», «Новая Жизнь»). В эпоху реакции примыкал к группе «Вперед». В 1917 г. был в организации межрайонцев, вместе с которыми во время VI съезда вошел в партию большевиков. С октябрьской революции стоит бессменно на посту народного комиссара просвещения. Известен своими многочисленными работами по искусству и литературе, а также как драматург.

⁸ *Ратнер* Марк Борисович (1871–1917). Публицист, народник и общественный деятель. По окончании Киевского ун-та работал в качестве присяжного поверенного. Видный сотрудник «Русского Богатства» и других изданий, помещал статьи по марксизму, аграрному вопросу и рабочему

рефератов, в апреле 1900 г., посвященный Ибсену, который читал Луначарский, явилась полиция — и арестовала всех. В числе присутствовавших был и Тарле, были и мы с женой. Потом были произведены обыски на квартирах лиц, присутствовавших на реферате, и забраны многие лица, находившиеся на этих квартирах. Всего арестовано было 60 человек. Обыски в квартирах были произведены в отсутствие хозяев, хотя местопребывание хозяев было известно: они были в руках Новицкого.¹⁰ Новицкий не хотел верить, что

законодательству. В своих статьях Ратнер с 1903 г. начал уделять внимание еврейскому вопросу и был одним из главных публицистов социалистической еврейской рабочей партии (так наз. «СЕРП»).

⁹ *Тарле* Евгений Викторович, академик, историк, род. в 1874 г. Профессор Ленинградского ун-та. Известен своими работами по истории рабочего класса во Франции в эпоху французской революции и позднее, а также исследованиями по истории континентальной блокады и новейшей истории Зап. Европы.

¹⁰ Благодаря моему отсутствию во время обыска обыскивавший мою квартиру частный пристав украл у меня 50 руб. Произошло это следующим образом. Прислуга открыла двери; вошла целая орава полицейских; у них в руках было, по словам прислуги, «богато ключей». Прислугу они отослали в кухню и с помощью подобранных ключей открыли

это был реферат об Ибсене, несмотря на доказательства (конспект реферата), и вопреки всякой очевидности воображал, что это была революционная сходка. Нас продержали по 1½ месяца в тюрьме, затем начали выпускать, а через два года мы получили приговор: освободить от наказания за отсутствием улик. Иначе и быть не могло, но 1½ месяца мы провели в тюрьме, два года мы находились под следствием; молодой тогда приват-доцент Тарле потерял место в средних учебных заведениях, где он преподавал, и кроме того полученную уже им заграничную командировку; студенты были исключены из университета и многие из них не смогли кончить. Зато некоторые юнцы и юницы получили не бесполезный для них урок из области государственного права.

Через несколько дней после моего освобождения в Киеве был проездом

стол. В ящике были деньги. Только после этого сочли они нужным позвать домохозяина. В качестве понятого, частный пристав вынул из кармана деньги и предложил хозяину пересчитать их. Денег оказалось 108 руб.; так это и было записано в протокол, который подписал домохозяин. Между тем денег было на 50 руб. больше. Жаловаться, разумеется, было невозможно. — *Прим. автора .*

П. Н. Милюков.¹¹ Он посетил меня, и я, весь еще под впечатлением ибсеновского дела, рассказывал ему о нем, выражая надежду, что мы выскочим из дела вполне благополучно.

— Да ведь на собрании, конечно, производились сборы на какую-нибудь революционную цель, — сразу сказал Милюков, — и вас накажут за это, если даже убедятся в невинности содержания беседы.

— Да это осталось совершенно неизвестным! — воскликнул я. Я не упомянул о сборах, и тем не менее Милюков сразу уразумел суть дела, а ведший дело целые месяцы Новицкий с целым штатом жандармов и прокуроров даже не догадался кому-нибудь из арестованных задать

---

¹¹ *Милюков* Павел Николаевич. Род. в 1859 г., историк и политический деятель. Лидер конституционно-демократической партии. В 1886–1895 гг. приват-доцент Московского ун-та; в связи с делом о союзе землячеств был уволен из числа преподавателей, уехал в Рязань и оттуда в Болгарию, заняв кафедру русской истории при Софийском ун-те, где пробыл до 1899 г. Редактировал центральный орган конституционно-демократической партии газету «Речь» с 1906 г. Член Гос. думы III и IV созывов. После Февральской революции — министр иностранных дел Временного правительства. В настоящее время живет в Париже, редактирует русскую эмигрантскую газету «Последние Новости».

вопрос: был ли вход на реферат платный или нет? Ведя следствие по ложному следу, Новицкий так и упустил из виду это обстоятельство, которое все же могло бы послужить к нашему обвинению, хотя и не очень тяжелому: вход был платный, и плата взималась с какою-то революционной целью, помнится, в пользу забастовщиков (тогда в Киеве шла забастовка пекарей, если не ошибаюсь).

Подобными промахами полна жандармская карьера Новицкого. Наконец, наверху поняли полное его несоответствие требованиям времени, и Новицкий, кажется, в 1904 или 1905 г. должен был уступить место людям более тонким и ловким, и систему повальных арестов и грозных запугиваний заменила другая, более совершенная.

Но прошло еще несколько лет, и Новицкий вновь всплыл на поверхность жизни. Летом 1907 г. он был назначен одесским градоначальником. Перед отправлением на место нового назначения Новицкий был в Петербурге, и здесь с ним имел беседу сотрудник «Руси»¹² С. А-ч.

Новицкий сказал А-чу, что он никого не боится, что все его действия будут вытекать из

---

¹² «Русь» — общественно-политическая и литературная газета. Издавалась А. А. Сувориным под редакцией Изнара. Закрылась в 1908 г.

долга службы перед государем и родиной, что он жалоб не боится, так как всегда найдет поддержку в высших центральных властях, что он лично известен государю, что он не допустит уличных избиений, что он враг избиений мирных жителей, что в его глазах каждый мирный житель имеет право мирно заниматься своим делом. «Во всей своей деятельности я всегда поступал исключительно по закону», говорил генерал А-чу. «Только этим я объясняю добрые ко мне отношения осужденных главарей и работников революционных организаций. Я избегал незаконного и ненужного их раздражения».

Характер речи Новицкого схвачен А-чем совершенно верно; странно только, что А-ч вполне поверил ему и вынес впечатление, что генерал Василий Дементьевич одушевлен лучшими и благими намерениями.¹³

Новицкий вообще был очень словоохотлив и любил пускаться со всеми, в том числе и с подневольными его слушателями и, в особенности, с их родными, в беседы более или менее интимного характера. В этих беседах он всегда и очень охотно, вопреки общественным его действиям, говорил о

---

¹³ Цитирую по «Товарищу», № 353, 24 августа 1907 г. — *Прим. автора.*

своей любви к законности, как о ней же он говорил и А-чу; всегда придавал себе вид человека глубоко сердечного, тяжело страдающего, когда он принужден причинять другим зло, вместе с тем человека сурового долга, который своему долгу перед царем и отечеством жертвует своими гуманными чувствами.

И, кажется, он действительно верил этому, и бывали такие арестованные, еще чаще их родители, которые льстили Новицкому, играя на этой струнке и, говоря ему об его сердечной доброте, добивались кое-каких льгот.

Слова Новицкого о добрых отношениях осужденных благодаря ему революционеров, конечно, грубая, наглая ложь. Человек, побывавший у него в руках, не мог не чувствовать к нему глубочайшей ненависти. Но некоторая своеобразная доля правды в этих словах — все же есть. Осужденные революционеры его ненавидели, но революционеры, не попавшиеся в его лапы, — а таких, благодаря его сыщицкой бездарности, всегда было очень много, — относились к нему благодушно, только высмеивая его и твердя, что «за таким жандармом жить еще можно».

В конце 1902 г. Новицкий праздновал свой 25-летний юбилей. По этому поводу киевский социал-демократический комитет счел нужным и с своей стороны послать ему свое поздравление.

Поздравление было напечатано со всею доступной для нелегальной типографии тщательностью и распространено по городу в большом числе экземпляров.

Вот это поздравление.

«Киевский комитет Российской социал-демократической рабочей партии генералу Новицкому, по поводу его двадцатипятилетней жандармской деятельности и предполагаемого оставления им поста начальника киевского губернского жандармского управления.

«Ваше Превосходительство, Высокопочитаемый Василий Дементьевич.

До нас дошли вести, что Вы, Ваше Превосходительство, собираетесь покинуть тот пост, на котором Вы со славой подвизаетесь уже четверть века. Она повергла нас в глубочайшую скорбь. Не думайте, Ваше Превосходительство, что это — шаблонная фраза, столь обычная при проходах высокопоставленных лиц. Нет, не имея высокой, хотя, может быть, несколько опасной чести быть лично известными Вашему Превосходительству, мы не видим нужды заискивать перед Вами и говорим от полноты сердца.

Четверть века стояли Вы на своем посту. Многие тысячи лиц подвергнуты Вами за это время аресту, еще большее число — обыскам, несколько

сотен людей отправили Вы на более или менее отдаленные места Европейской и Азиатской России. При этом у Вас была своя система. Лишь в редких случаях Вы искали себе жертв в рядах той или другой революционной фракции, и систематически избегали трогать нас — членов комитета социал-демократической партии, уже по многу лет принадлежащих к его составу. Наша новая типография существует в Киеве уже почти четыре года; за эти годы непрерывной работы шрифт успел стереться, и хотя за это время Вы обшарили не менее тысячи квартир, но при этом Вы всегда выбирали именно те, где типографии нет и быть не может. Зато Вы охотно направляли Ваши удары на умеренно-либеральных представителей интеллигентного и буржуазного общества, когда те каким-либо образом, основательно или неосновательно, приобретали себе репутацию людей неблагонамеренных; Ваши удары падали на студентов, недовольных университетскими порядками; всего же чаще — на рабочих, причем Вы никогда не считали нужным разбираться: кто из них принадлежит к социал-демократической партии, кто ей только сочувствует, а кто даже и вовсе не сочувствует.

Нам не дано проникнуть в глубокий, но сокровенный смысл Ваших целей, но мы знаем, что сотни людей из интеллигентного общества, ранее

бывших либералами, колеблющимися, иногда даже консерваторами, и тысячи рабочих, никогда ранее не задумывавшихся о своем положении, на которых не действовали самые наши убеждения, — приходили к нам после того, как они оканчивали курс в школе Вашего Превосходительства. Вас упрекают за жестокость, многие говорят о бездушии Вашем и свирепости, некоторые, по поводу Вашей деятельности, вспоминали того Щедринского генерала Топтыгина, которого послали «учинять кровопролития» и который вместо того, «чижика съел»; но мы считаем такое сравнение неправильным, так как, во-первых, вы не раз учиняли действительные «кровопролития», а во-вторых, и съеденный Вами «чижик», своим предсмертным писком, не мало содействовал пробуждению киевских обывателей от их векового сна.

Либеральные и просто мирные обыватели Киева говорят о Вас с ужасом и ненавистью, чуть ли не пугая Вами маленьких детей; с ненавистью и злорадством они повторяют слухи о Вашем покровительстве притонам тайного разврата. Но мы не имеем основания ни ненавидеть Вас, ни бояться. Напротив, именно Вы, благодаря всем только что отмеченным чертам Вашей деятельности, помогли нам стать на ноги, окрепнуть и развернуть нашу деятельность, во всей ее нынешней широте.

Глубоко благодарные Вам за все Ваши услуги, мы не без зависти смотрим на наших московских товарищей, которые отныне, судя по газетным слухам, будут осчастливлены Вашей помощью, и шлем Вам пожелание еще многие годы продолжать Вашу столь же целесообразную деятельность, хотя и вдали от нас. Мы уверены, что высшее начальство и впредь будет оказывать Вам свое благоволение, как оно его оказало в текущем году, вверив Вам ведение всероссийского дела о революционной организации «Искры». Вы любезно предоставили возможность десяти обвиняемым по этому делу уйти из киевской тюрьмы и затем благоразумно направили следствие по ложному следу. Если слух о переводе Вашем в Москву не окажется газетной уткой, и Вы действительно покинете нас, смеем надеяться, что Ваш заместитель окажется достойным Вас.

Преданный Вам Киевский комитет
российской социал-демократической рабочей
партии»». ¹⁴

---

¹⁴ Эта поздравительная прокламация была перепечатана в вышедшем тогда за границей социал-демократическом журнале «Искра», № 33, откуда я ее и беру. Подлинная прокламация у меня не сохранилась, но перепечатка вполне точна. — *Прим. автора.*

Поздравление было доставлено Новицкому в самый день его юбилея и, как тогда говорили в Киеве, отравило ему его праздник.

Это поздравление было написано мною. После своего первого киевского ареста я был в близких отношениях с обеими революционными партиями и довольно часто писал листки для социал-демократов; поздравление Новицкому было одним из них. Считаю нужным покаяться в некоторой неискренности. «Мы не имеем основания ни ненавидеть Вас, ни бояться», говорил я. Что касается меня, то я не стоял выше этих чувств: я и ненавидел Новицкого, и боялся его. Но я говорил от имени социал-демократического комитета, к составу которого я не принадлежал, равно как не принадлежал и к партии.

ГЕНЕРАЛ НОВИЦКИЙ О САМОМ СЕБЕ

**(Из докладной записки директору департамента
полиции)**

Из 40-летнего периода офицерской службы моей 30 лет выпадает на службу в корпусе жандармов, причем 5 лет я был в должности начальника Тамбовского губернского жандармского управления, а затем, в течение 25 лет

сряду состою в занимаемой мною и ныне должности начальника Киевского губернского жандармского управления, исполнение коей совпадало с тяжелым, смутным временем в Киеве.

В период моей службы, независимо от прямых обязанностей по должности, одновременно на меня возлагались многие поручения по весьма сложным, большим и важным политическим делам, а также выпадали на мою служебную долю нелегкие дела и в самом городе Киеве.

До перехода моего на службу в корпус жандармов я находился в должности старшего штаб-офицера особых поручений при бывшем войсковом наказном атамане войска Донского генерал-адъютанте М. И. Черткове, ¹⁵ ныне варшавском генерал-губернаторе, которым возлагались на меня самые тяжелые дела и следственные производства по области войска Донского, и, при оставлении службы на Дону генерал-адъютантом Чертковым, я был лично особо рекомендован его высокопревосходительством за

---

¹⁵ *Чертков* Михаил Иванович (1829–1905), ген.-адъютант, ген. от кавалерии. В 1868–1873 гг. наказной атаман войска Донского, в 1877–1881 гг. киевский ген.-губернатор и команд. войсками Киевского военного округа, с 1881 г. член Гос. совета; в 1901–1905 г. варшавский ген.-губернатор.

мою службу бывшему шефу жандармов генерал-адъютанту графу П. А. Шувалову, 16 которым и был принят и переведен на службу в корпус жандармов с назначением прямо на должность начальника жандармского управления в 1874 году.

В 1874 году я был, по распоряжению шефа жандармов, командирован в города Москву и С.-Петербург с помощью производившему по высочайшему повелению дознания о государственных преступлениях; на меня было возложено дополнение петербургских дознаний, заключающихся в 31 томе, и установление связи этих дел с дознаниями, возникшими в то время в 26 губерниях России. Понесенный мною труд по этим делам был поистине непомерно тяжел, но я стойко вынес таковой, благодаря возрасту и здоровью; тогда как находившийся в таком же служебном положении корпуса жандармов подполковник Чуйков от чрезмерной работы и утомления впал в чахотку и умер.

По приказанию шефа жандармов я ежедневно

---

16 *Шувалов* Петр Андреевич, граф (1827–1889), Пб. обер-полицмейстер; затем директор департамента общих дел, остзейский ген.-губернатор и в 1866–1874 гг. шеф жандармов. Член Гос. совета.

должен был к 10-ти часам утра являться к его высокопревосходительству с личными докладами по этим делам и докладными записками, по принятию каковых от меня его высокопревосходительство изволил прямо следовать с докладом к государю императору Александру II.

Эти дела были мною закончены и сданы министру юстиции в 31 томе, в 48 тысяч листов, мною скрепленных, с вещественными доказательствами, в двух вагонах, привезенными из Москвы и других губерний.

В 1878 году, вслед за убийством адъютанта Киевского губернского жандармского управления барона Гейкинга¹⁷ и покушением на убийство товарища прокурора Котляревского,¹⁸ совершенными с политическими целями, я был назначен на должность начальника Киевского жандармского управления 24 июня 1878 года (юбилей праздновал в ноябре 1902 г.) и принял управление в таком виде: адъютант управления — убит, помощник — один, проживавший в г.

---

¹⁷ Об убийстве Гейкинга см. еще в тексте и примеч. 138.

¹⁸ О покушении на убийство Котляревского см. еще в тексте и примеч. 135.

Бердичеве, и 6 жандармов в г. Киеве. По ходатайству моему было добавлено к штату 2 помощника и 18 жандармов в Киеве. С этою горстью людей мне пришлось бороться из года в год с развивавшеюся преступною политическою организациею в г. Киеве, каковая была признана самую сильною в России и окрепшей в Киеве даже со стороны известной государственной преступницы Веры Фигнер,¹⁹ давшей по ее арестовании показания в таком смысле. Почти при каждом обыске и аресте было оказываемо

---

¹⁹ *Фигнер* Вера Николаевна. Род. в 1852 г. В 1872 г. поступила на мед. фак-т Цюрихского ун-та, а также вступила в студенческий революционный кружок. В дек. 1875 г. вернулась в Россию; в 1877–1878 гг. работала в саратовском и саратовском землевольческих поселениях. В 1879 г. примкнула к исполнит. комитету «Народной Воли». В 1880 г. участвовала в приготовлениях к взрыву царского поезда на Одесской жел. дор. В июле 1880 г. возвратилась в Петербург и принимала участие в образовании военной организации партии «Народной Воли». В мае 1881 г. уехала на юг России с целью организации покушения на генерала Стрельникова. С июня 1882 г. оставалась единственным уцелевшим членом исполнит. комитета. Выданная С. Дегаевым, В. Н. Фигнер 10 февр. 1883 г. была арестована в Харькове. В сент. 1884 г. приговорена Спб. военно-окруж. судом к смертной казни, замененной бессрочною каторгой. Заключена в Шлиссельбургскую крепость, где пробыла до 29 сент. 1904 г. В настоящее время живет в Москве.

вооруженное сопротивление преступниками с револьверами и кинжалами, в большинстве отравленными ядом кураре.

11-го февраля 1879 года удалось повалить в Киеве первую организацию, по заарестовании членов которой преступная организация значительно была ослаблена. При взятии впервые части этой организации в двух местах, было оказано жестокое вооруженное сопротивление, сопровождавшееся 60 выстрелами, смертью одного жандарма, контузией офицера в грудь и ранением 3-х жандармов. Из 18 злоумышленников 4 человека получили тяжелые раны, причем двое умерли через несколько дней. В числе злоумышленников, проживавших с подложными документами, были арестованы: Ивичевич²⁰ — убийца Никонова в Ростове на Дону, Иванченко²¹ — убийца Тавлеева

---

²⁰ *Ивичевич*, Иван см. примеч. 133.

²¹ *Иванченко* Григорий («Роман») Род. в 1856 г., херсонский мещанин, рабочий-модельщик. Входил в одесский кружок Заславского. Участвовал в подкопе под здание харьковской тюрьмы с целью освобождения Фомина. Арестован в Киеве после вооруженного сопротивления на Жилянской улице 11 февр. 1879 г. Во время перестрелки с жандармами И. был ранен в голову. На допросе и суде отказался назвать свою фамилию, а потому получил наименование «неизвестный, раненый в голову». Киевским

в Одессе ²² и другие, принадлежавшие к террористической партии. На всеподданейше доложенной шефом жандармов телеграмме моей о вооруженном сопротивлении, оказанном при двух обысках в Киеве, государь император Александр II, как о том сообщили мне, собственноручно изволил начертать: «Жаль погибшего жандарма, но они все исполнили долг свой молодцами».

По этому делу [а также и по другим преступлениям] киевской революционной организации даны были сильные репрессии, впервые в г. Киеве выразившиеся в смертных приговорах военного суда о шестнадцати человеках, из коих в г. Киеве были казнены через повешение восемь человек, а восьми дарована жизнь по ходатайству моему перед генерал-губернатором, подтвердившим в то время приговоры суда, вследствие выраженного преступниками полного раскаяния. Восьми

военно-окружным судом 4 мая 1879 г. был приговорен к 14 годам и 10 мес. каторги. За побег из Иркутской тюрьмы в 1880 г. было прибавлено 5 лет и 2 мес. Просидев 10 лет, подал прошение о помиловании и в 1889 г. отправлен на поселение в Забайкальскую область.

²² Убийство шпиона Тавлеева в Одессе было произведено 5 сент. 1876 г.

человекам, над которыми совершены были приговоры в Киеве, были закрыты глаза на вечность мною, так как, хотя приводили смертную казнь в исполнение воинские начальники, но г. генерал-губернатором генерал-адъютантом Чертковым все было возложено на меня по наблюдению за соблюдением всех обрядов смертной казни — даже палач Фролов был отдан в мое распоряжение. Все тяжелые поручения были мною выполнены с твердым сознанием долга и непоколебимую стойкостью, благодаря которым я избег в то время, быть может, мести.

Известное всей России «Чигиринское дело» Киевской губернии, 1878–1879 гг., возникшее при моем предместнике, закончено мною. По этому делу привлечено было обвиняемых полторы тысячи крестьян Чигиринского уезда, которые, под руководством известных революционных деятелей Стефановича, Дейча, Бохановского, Дебагория-Мокриевича²³ и других, вошли в тайное сообщество, настолько сильно сплоченное, что при поступлении в него являлись в Киев для принятия присяги, целуя крест и Евангелие, на верность сообществу и были вооружены пиками для

---

²³ Об Я. Стефановиче, Л. Дейче, И. Бохановском и В. Дебагории-Мокриевиче см. примеч. 121, 128, 181, 113.

оказания вооруженного сопротивления власти.

В 1879 году я получил от шефа жандармов в предписании управляющего III отделением собственной его императорского величества канцелярии, 6-го февраля за № 693 «выражение полного довольства по принимаемым мною мерам в видах пресечения революционной пропаганды, каковые признавались вполне целесообразными».

В 1879 году арестованное в г. Елисаветграде неизвестное лицо с разрывными снарядами было установлено мною, и задержанный оказался известным революционным деятелем, евреем Григорием Гольденбергом, ²⁴ принимавшим на

---

²⁴ *Гольденберг* Григорий Давыдович (1855–1880). Первые связи Г. с революционным движением в Киеве относятся к 1873–1874 гг. В авг. 1875 г. поступает в Пб. в слесарную мастерскую рабочим. В 1876 г. был арестован и выслан в Киев. В 1877–1878 гг. принимал активное участие в работе киевских революционеров. Будучи заподозрен в покушении на жизнь тов. прокурора Котляревского, Г. был арестован и в апр. 1878 г. выслан в г. Холмогоры Архангельской губ., оттуда бежал, перейдя на нелегальное положение. 9 февр. 1879 г. Г. убивает Харьковского ген. губернатора кн. Кропоткина. Затем принимает участие в Липецком съезде. Участвовал в переговорах в Харькове для организации покушения на Александра II. Отправившись за динамитом в Одессу для московского подкопа, на обратном пути 14 ноября 1879 г. арестован в Елисаветграде. В Одесской тюрьме был доведен до сознания и до убеждения, что выдачею всего ему

себя убийство императора Александра II вместо Соловьева,²⁵ убившим Харьковского губернатора князя Кропоткина и работавшим совместно с Гартманом²⁶ в подкопе, который был устроен

известного он сможет прекратить правительственный террор. Тогда он написал обширное заявление, давшее правительству ряд сведений о составе и деятельности «Народной Воли» и других кружков. 15 июля 1880 г. покончил самоубийством, убедившись, что он был обманут следственными властями.

²⁵ *Соловьев* Александр Константинович (1846–1879). Учился на юрид. фак-те Пб. ун-та. Работал у Н. Н. Богдановича в с. Воровине, близ Торопца, в кузнечной мастерской, служившей сборным пунктом революционеров-пропагандистов, затем на поселениях в Нижегородской губ. во Владимире, в Самарской, Воронежской, Тамбовской и Саратовской губ. В конце декабря 1878 г. возвратился в Пб. с решением совершить цареубийство. 2 апреля 1879 г. стрелял в Александра II близ Зимнего дворца, но промахнулся и был задержан. 28 мая был казнен.

²⁶ *Гартман* Лев Николаевич. Род. 1850 г. в Архангельской губ. Начало революционной деятельности Г. относится к 1876 г. В Ростове на Дону Г. вместе с Емельяновым организовали кружок; из-за доноса ему пришлось бежать и перейти на нелегальное положение. Ведя пропаганду среди крестьян, был арестован на Кубани. Выпущенный через год на поруки, скрылся. В 1878 г. в Саратове вступил в кружок сестер В. и Е. Фишер. Служил

около полотна Московско-Курской железной дороги. Гольденберг, не обнаруживая своей личности, отказался от всяких показаний и был отправлен из Елисаветграда в г. Одессу. Бывший начальник Одесского жандармского управления полковник Першин обратился ко мне с письмом дать товарищеский совет и указания, каким путем расположить Гольденберга к даче показаний. Обдумав, я отправил из Киева в Одессу отца и мать Гольденберга, и, сообщив полковнику Першину, что я родителей Гольденберга убедил воздействовать на сына, который до беспредельности любит мать, предложил полковнику Першину не только допустить Гольденберга к свиданию с родителями, но разрешить жить с сыном и иметь ночлег у сына в камере.

волостным писарем в Саратовской и Тамбовской губ. В 1879 г. Г. вместе с С. Перовской был хозяином дома, откуда шел подкоп под полотно Московско-Курской жел. дор. с целью взорвать царский поезд. 19 ноября взрыв произошел во время следования свитского поезда, который был принят за царский, прошедший за полчаса раньше. Г. благополучно перебрался за границу, в Париж, где явился заграничным представителем «Народной Воли». Русское правительство потребовало выдачи его. Г. был арестован, но под влиянием общественного мнения освобожден. Отправившись в Лондон, он пользовался здесь поддержкою Маркса.

Полковник Першин принял мой совет, и Гольденберг поддался убеждениям матери и дал обширное показание, осветившее вполне действия всех революционных партий и организаций в России с указаниями действующих лиц.

Полковник Першин, в письме ко мне 21 марта 1880 года, хранящемся у меня поныне в подлиннике, выражая мне признательность за оказанное содействие, препроводил мне первому копию показания Гольденберга, добавив, что после двухнедельной беседы с Гольденбергом, последний окончательно решился давать показания только после свидания с отцом и матерью, «за которое он обязан исключительно и только мне».

В 1880 году, в письме на мое имя, 30-го октября за № 8167, начальник верховной распорядительной комиссии генерал-адъютант граф Лорис-Меликов²⁷ изволил выразить «за личную

---

²⁷ *Лорис-Меликов* Михаил Тариелович (1825–1888), граф, ген.-адъютант. Во время войны 1877–1878 гг. командовал корпусом на азиатском театре военных действий. В янв. 1879 г. назначен врем. ген.-губернатором Астраханской, Саратовской и Самарской губ., а 5 апр. в Харькове врем. ген.-губернатором 6 губерний с особыми полномочиями; 12 февр. 1880 г. — нач. Верховной распорядительной комиссии, а с ее упразднением, 6 авг. т. г. министром вн. дел. В мае 1881 г. Л.-М. оставил пост министра вн. дел и уехал за границу. 20 февр. 1880 г. на жизнь его было произведено

мою распорядительность и энергию» свое удовольствие в таких выражениях: «Вменяю себе в приятный долг выразить вам особую мою благодарность за вашу полезную деятельность».

В 1881 году бывший директор департамента полиции, барон Велио, в письме 27 января за № 613, выразил мне, что «полезная моя служба имеет достаточную известность и ценится вполне».

После обнаружения в г. Петербурге подкопа в 1881 году по Мало-Садовой улице в доме Менгдена, некоторые участники производимого подкопа в сырной лавке «Кобозева» бежали из С.-Петербурга, а именно Ланганс,²⁸ Морейнис²⁹ и

неудачное покушение И. О. Млодецким, который 22 февр. 1880 г. был повешен.

²⁸ *Ланганс* Мартын Рудольфович (1853–1884). Был членом кружка Ф. Волховского. За распространение нелегальной литературы среди крестьян Екатеринославской и Херсонской губерний был арестован, после 3½ лет заключения судился в 1877 г. по процессу 193-х, и был оправдан. В 1879 г. был снова арестован в Киеве и выслан в Пруссию. В середине 1880 г. нелегально возвращается в Пб. и примыкает к партии «Народная Воля». После 1 марта 1881 г. Л. уехал в Киев, где 21 апр. был арестован. В 1882 г. Л. был предан суду, по процессу 20-ти приговорен к бессрочной каторге и заключен в Алексеевский равелин, где и скончался от чахотки.

другие, и они были распоряжением моим заарестованы в г. Киеве, все с подложными видами, и в числе их была задержана также и Кобозева, жившая в Киеве под подложным паспортом на имя Емельяновой, известная в преступном сообществе под именем Баски, а настоящая ее фамилия по установлению личности оказалась Анна Якимова.³⁰

---

²⁹ *Морейнис (Муратова)* Фанни Абрамовна. Род. в Николаеве в 1860 г. В янв. 1878 г. тайно от родных уехала в Одессу, где занялась сапожным мастерством. В 1879 г. поступила работницей на канатный завод, а затем помощницей фельдшерицы в еврейскую больницу. Перейдя на нелегальное положение, уехала вместе с Н. Н. Колоткевичем в Пб. и поселилась на конспиративной квартире вместе с Н. Кибальчицем и А. В. Якимовой. На этой квартире вырабатывался нитроглицерин и другие материалы, предназначенные для покушения на Александра II. В марте 1881 г. М. уехала, и была арестована в Киеве 21 апр. В апр. 1883 г. Одесским военно-окруж. судом была приговорена к 4 г. каторжных работ и отправлена на Кару. По отбытии срока наказания отправилась на поселение в Читу.

³⁰ *Якимова* Анна Васильевна (по мужу Диковская). Род. 12 июня 1856 г. 12 мая 1875 г. была арестована за распространение среди крестьян запрещенных изданий. Около года пробыла в Вятской тюрьме, а затем была отправлена в Пб., где судилась по процессу 193-х, была оправдана и уехала в Вятскую губ. В апреле 1878 г. с целью пропаганды среди крестьян отправилась по Тверской, Ярославской, Костромской и Нижегородской губ. Устроилась чернорабочей

С 1881 года и в последующие годы служба моя известна его высокопревосходительству г-ну министру внутренних дел, шефу жандармов В. К. фон-Плеве,³¹ а потому я не даю себе права о ней

на Сормовский завод. В 1879 г., прибыв в Пб. вошла в террористическую группу «Свобода или смерть». Принимала участие в организации покушения на жизнь Александра II под Александровском и Одессой. В декабре 1880 г. перешла с Богдановичем в помещение на М. Садовой, где они поселились под фамилией Кобозевых, ведя работу по устройству подкопа. 3 марта 1881 г. уехала из Петербурга и была арестована в Киеве. Судилась по процессу 20 народовольцев в 1882 г. и приговорена к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. В авг. 1883 г. отправлена в Сибирь. Каторгу отбывала в Карийской и Акатуевской тюрьмах. Окончила каторгу по манифесту 1899 г. и отправлена на поселение в Забайкальскую обл. В авг. 1905 г. была арестована в поезде жел. дор. на ст. Орехово-Зуево. В сентябре 1906 г. была приговорена за самовольную отлучку из Сибири к 8 мес. тюремного заключения. 7 июня 1907 г. вышла из Читинской тюрьмы.

31 *Плеве* Вячеслав Константинович (1846–1904). Выдвинулся, участвуя в дознаниях по политическим делам в должности прокурора варшавской и петербургской судебных палат. В 1881 г. директор департамента полиции. В 1884 г. сенатор и тов. министра вн. дел. В 1894 г. госуд. секретарь и управляющий кодификационной частью при Гос. совете. В 1896 г. статс-секретарь. В 1899 г. министр и статс-секретарь вел. кн. Финляндии. В 1902–1904 гг. министр вн. дел. Убит 15 июля 1904 г. по постановлению боевой организации партии

сказать что-либо.

В приказе по корпусу 28 марта 1884 года за № 34 выражена мне командиром корпуса «особая благодарность за отличную распорядительность, настойчивость в служебных действиях и энергию», да за то, что «в течение марта месяца того года путем наблюдения и розысков, предпринятых чинами Киевского губернского жандармского управления, в г. Киеве было дознано существование преступного тайного сообщества, открытие которого повлекло к обнаружению массы вещественных доказательств преступной деятельности этого сообщества и к целому ряду арестов важных злоумышленников, из коих двое, при задержании их, оказали вооруженное сопротивление».

В 1883 году, по распоряжению моему, был задержан в г. Киеве разыскиваемый по С.-Петербургскому дознанию житель г. Вормса Александр Никвист,³² проживавший в Киеве по

с.-р. Е. Сазоновым.

³² *Никвист* Александр, наборщик типографии Шеперсона в Пб. на Васильевском острове. По поручению партии «Народной Воли», вместе с С. А. Андржейковичем принимал участие в устройстве тайной типографии в доме № 30 по Ковенскому переулку и печатании революционных изданий. Арестованный 31 авг. 1883 г., выслан под надзор полиции в

подложному документу на имя Нейпах. Корреспонденция, адресованная на имя Нейпах (Никвиста), была мною лично задержана на почте. В корреспонденции этой оказалось письмо крайне подозрительного содержания из Варшавы, в котором неизвестный автор просил адресовать письма в Варшаву на имя Леонии Каминской. В виду этого я телеграфировал начальнику Варшавского губернского управления надбюсти и задержать личность, которая будет получать письма на имя Леонии Каминской. Явившаяся за получением этой корреспонденции женщина была задержана, причем у нее при личном обыске найдена была в кармане важная переписка, касающаяся образовавшегося в Варшаве особого сообщества польской рабочей партии «Пролетариат». Задержанная личность долго своего звания и фамилии не открывала, но впоследствии была установлена и оказалась классной дамой Варшавского Александро-Мариинского института Ентыс;³³ последовавший затем обыск помещения

Зап. Сибирь на 5 лет.

³³ *Ентыс* Александра (по мужу Булгакова), одна из виднейших членов партии «Пролетариат». Арестована в Варшаве на почте 17 сент. 1883 г. Административно выслана в Зап. Сибирь на 5 лет.

ее в Институте дал результаты, повлекшие открытие всего общества «Пролетариат» в Варшаве и известных, впоследствии казненных в г. Варшаве, Бардовского,³⁴ Осовского³⁵ и Петрусинского.³⁶ Бывший начальник Варшавского жандармского

---

³⁴ *Бардовский* Петр Васильевич (1847–1886). В 1880–1884 г. мировой судья I участка г. Варшавы. Принимал участие в работе партии «Пролетариат», хотя членом ее не был. Квартира Бардовского служила местом собраний Центрального комитета «Пролетариата». Бардовский организовал склад изданий партии, хранил у себя кассу последней и стремился к организации революционной пропаганды в армии. Арестован в 1884 г. Варшавским военно-окруж. судом 23 ноября. 20 дек. 1885 г. приговорен к смертной казни, приведенной в исполнение 16 янв. 1886 г.

³⁵ *Оссовский* Михаил, сапожник. Член партии «Пролетариат». По поручению Центрального комитета «Пролетариата» убил предателя Скжипчинского. Варшавским военно-окруж. судом 20 декабря 1885 г. приговорен к смертной казни, последовавшей 16 января 1886 г.

³⁶ *Петрусинский* Ян, ткач, член партии «Пролетариат». Обвинялся вместе с Блюх в убийстве предателя Гельшера в Згерже. Обвинение было построено на ложном показании Пацановского, оговорившего многих из своих товарищей. Несмотря на заявление другого обвиняемого, Поплавского, что убийство совершено им, Варшавский военно-окруж. суд 20 дек. 1885 г. приговорил Петрусинского к смертной казни.

округа, ныне Иркутский генерал-губернатор, сенатор генерал-лейтенант граф Кутайсов неоднократно докладывал высшему моему начальнику, что все дело обнаружения в г. Варшаве рабочей партии и сообщества «Пролетариат» обязано всецело телеграмме моей о задержании Леонии Каминской (Ентыс), ибо в Варшаве никаких сведений до задержания Ентыс о важных членах сообщества «Пролетариат» не было.

3 января 1887 года г. директор департамента полиции, ныне товарищ министра внутренних дел, сенатор тайный советник Дурново,³⁷ в письме за № 15, по делу обнаружения мною тайных преступных кружков террористического направления в некоторых полках гвардии и армии, а также в военно-учебных заведениях г. С.-Петербурга, изволили выразить, что он «поставляет себе приятным долгом выразить мне, что обнаружение преступной деятельности офицерских чинов и успешный ход произведенного о них расследования он относит всецело к моим целесообразным, вполне правильным и умелым действиям».

7 апреля 1887 года я получил от бывшего командира корпуса, генерал-лейтенанта

---

³⁷ О Дурново П. Н. см. примеч. 69.

Оржевского ³⁸ телеграмму такого содержания: «Сердечно поздравляю ваше превосходительство и очень рад, что на мою долю выпала честь свидетельствовать о ваших чрезвычайных и продолжительных, из ряда вон выходящих заслугах».

В приказе по корпусу 11-го февраля 1893 года за № 10 выражена мне «особая благодарность за отличную распорядительность и энергию» и за труды, которыми достигнуты были успешные результаты по делу об организованном австрийским правительством по всей западной полосе и югу России военном шпионстве из лиц преимущественно польского происхождения, целой сети военных разведчиков, раскинутой на случай объявления войны России Австрией и Германиею, с учреждением в городах Варшаве, Брест-Литовске, Радоме, Одессе и Киеве разведческих групп, каковые разведчики, принимая особую присягу на верность службе «австрийскому императору — королю всех славян», с целованием креста и Евангелия, в то же время получали каждый

---

³⁸ *Оржевский* Петр Васильевич, сенатор, ген.-лейтенант, в 1882–1887 гг. тов. министра вн. дел и командир корпуса жандармов. До назначения на эту должность Оржевский был начальником Варшавского жандармского управления.

военно-разведческий номер. Подобных разведчиков в Привислянском крае и на юге России было обнаружено поименно пять тысяч человек, из которых 39 были преданы военному суду в г. Киеве, а против остальных были приняты административные взыскания и меры. Начальники военно-разведческих групп в Варшаве, Брест-Литовске, Одессе и Киеве были заарестованы по моим распоряжениям и сознались в своих преступлениях при производстве обширного дознания при Киевском жандармском управлении, коим фактически было установлено, что сведения по секретным мобилизациям артиллерии Одесского военного округа и в городе Брест-Литовске были выданы военными писарями этих управлений австрийскому правительству, которое заплатило большие деньги офицеру Квятковскому, 39 получившему из штабов от военных писарей все секретные распоряжения по мобилизации наших войск, в чем он, Квятковский, и сознался. Обнаруженный дознанием начальник Варшавской группы разведчиков, присяжный поверенный

---

39 *Квятковский* Сигизмунд Иосифович, поручик 47 пехотного Украинского полка. Окончил в 1886 г. Киевское пехотное училище.

Доморацкий,⁴⁰ получил, как это установлено было фактически дознанием и сознанием обвиняемого, от австрийского правительства девятнадцать тысяч рублей, из каковых денег уплачивал жалование разведчикам, раскинутым в западных губерниях и на юге России, снятым последовательными моими арестами со своих пунктов Юго-Западной железной дороги, где они проживали и были предназначены для порчи мостов, дороги, поджогов продовольственных запасов и фуража и опрокидывания воинских поездов, причем некоторые из разведчиков получали жалованье от австрийского правительства уже в продолжение двух лет. По тому же дознанию был обнаружен и заарестован в г. Киеве мещанин Бык,⁴¹ который принял на себя взрыв Киевского железнодорожного моста на р. Днепре, за что ему, Быку, было обещано австрийским правительством 25 тысяч рублей единовременно, что фактически и показаниями было установлено.

Раскрытие и обнаружение этого военно-разведческого дела признавалось настолько

---

⁴⁰ *Доморацкий* Степан Иванович.

⁴¹ *Бык* Павел Семенович, столяр. С 1891 г. был разведчиком киевской группы.

важным в государственном значении, что бывший военный министр, генерал-адъютант Ванновский⁴² во время ведения производства дознания входил со мною в сношение телеграммами и через главный штаб, испрашивая по некоторым предметам личного моего заключения.

В 1898 году г. директор департамента полиции, письмом 18-го марта за № 2526, сообщил мне, что г. министр внутренних дел по докладу ему об усиленной деятельности и особых трудах при осуществлении наблюдения по делу о тайных рабочих организациях на юге России, увенчавшегося выдающимися результатами, изволил поручить ему выразить его высокопревосходительства благодарность мне и другим офицерам управления.

В 1899 году г. Киевский губернатор в письме на мое имя за № 3992 сообщил мне, что г. директор департамента полиции, письмом 13 мая за № 4690, уведомил его, что по докладе г. министра внутренних дел о «трудах, понесенных мною по

---

42 *Ванновский* Петр Семенович (1822–1904), ген.-адъютант, ген. от инфантерии. В 1881–1898 гг. — военный министр, с 1883 г. член Гос. совета. В 1889 г. В. было поручено расследование причин студенческих беспорядков, происходивших в том же году. До апреля 1902 г. — министр народного просвещения.

предупреждению возникновения беспорядков в Киеве, в особенности среди рабочих, его высокопревосходительство, ценя высокую деятельность мою, но не имея возможности в данное время испросить для меня почетную награду, выразил, что будет иметь в виду этот вопрос в ближайшем будущем».

В 1894 году, в виду сложных предприятий террористического характера, задуманных заграничными революционерами, постановившими проникнуть в Россию через западную границу с целью цареубийства, убийства некоторых из членов императорской фамилии и некоторых высших должностных лиц, как выражено было в сообщенных сведениях, департаментом полиции на меня был возложен розыск эмигрантов и их пособников, предупреждение возможности проникновения в Россию через западную границу с севера до г. Измаила на юге, обнаружение тайных пунктов перехода на западной границе, а также образование пограничных пунктов. Таким образом, на меня лег тяжелый, ответственный розыск по всей западной границе и всех пограничных пунктах на западной полосе России. Один обширный, вверенный мне этот район розыска свидетельствует, насколько была тяжка работа моя. Г. директор департамента полиции, возлагая на меня это поручение, в письме 5 мая 1894 года за

№ 2926, выразил, что «не признавая по сложным обстоятельствам удобным отвлекать внимание и силы петербургского жандармского управления и доверяя вполне испытанной служебной моей опытности и энергии, решился сосредоточить как розыск эмигрантов и их пособников, так и имеющие возникнуть по сему поводу дознания при киевском жандармском управлении, под непосредственным моим руководством».

В 1901 году г. министром-шефом был возложен на меня розыск в десяти южных губерниях, и в данном мне по этому предмету ордере, за № 4328, в конце было выражено, что «во всем остальном он полагается на мою многолетнюю опытность».

Сверх того, в разное время на меня возлагались производства, выходявшие из ряда обыкновенных по своему содержанию, из других жандармских управлений, где они возникли.

Во время пребывания в 1885 и 1896 годах их императорских величеств в г. Киеве, руководительства в области внутреннего наблюдения и розыска, входивших в необходимость для обеспечения надлежащего надзора и порядка в дни пребывания высочайших особ в г. Киеве, всецело возлагались непосредственно на меня, как то и было выражено в распоряжениях министра-шефа, переданных мне в

письмах г. директора департамента полиции.

Не позволяю себе более утруждать внимание вашего превосходительства изложением всех понесенных мною трудов и занятий по должности начальника управления за 30-тилетний период времени, но считаю долгом доложить, что отчасти масса упавшей на меня работы может быть определена и громадным количеством хранящихся в архиве управления собственноручно написанных мною бумаг.

В общем, служба моя по корпусу жандармов отмечена в особых на мое имя предписаниях, письмах, телеграммах и приказах по корпусу, каковые я имел честь представить вашему превосходительству для прочтения.

Не считая себя в праве лично судить о моей деятельности и результатах таковой, могу одно, со спокойной совестью за правоту и точность своих слов, доложить, что все обязанности, лежавшие на мне, я, по глубокому убеждению моему, всегда нес с беззаветною преданностью государю императору и отечеству, не щадя своей жизни и здоровья. Высокое же внимание высшего моего начальства в лице министров-шефов, и, благодаря тому, благоволения и награды, коими я всемилостивейше был удостоен, были для меня великим стимулом при тяжких трудах и опасностях, среди которых шла служба моя, а особенно в г. Киеве, к несчастью,

издавна сделавшемся центром всяческих революционных кружков и преступных сообществ и замыслов. С таким стимулом, конечно, я почел бы себя в высшей мере счастливым не только по-прежнему трудиться, но и погибнуть на своем скромном посту. Но к глубокому прискорбью моему, под бременем постоянных буквально непрерывных и днем и ночью трудов, мое здоровье, а особенно нервная система, пошатнулись и пришли в расстройство, в такое состояние, при котором я уже не чувствую для себя возможным исполнять лежащие на мне обязанности с теми энергией, настойчивостью и упорством, кои безусловно необходимы в нашей исключительной службе, которой я отдал лучшие годы моей жизни, сослужив службу беззаветно-преданно.

Ни наследственного, ни благоприобретенного недвижимого или движимого состояния ни я ни жена моя не имеем вовсе, так что получаемое содержание за службу составляет единственный источник средств нашего существования от 20-го до 20-го числа каждого месяца — получения жалованья. Рассчитывать, при выходе в отставку, на приискание материальных средств трудами частной службы я не могу уже как по годам, так еще более потому, что, находясь на должности преследования лиц за государственные преступления и известного неблагожелательного направления, которых

прошло через мои руки, полагаю, несколько тысяч человек, из коих восемь понесли наказание через смертную казнь в г. Киеве, — я не в состоянии надеяться на то, чтобы мне где-либо предоставили частную службу и занятия и, наконец, по состоянию здоровья жены, впавшей под влиянием впечатлений окружавшей меня служебной обстановки в столь физически-нервное состояние, что она лишена даже возможности свободного перемещения, в особенности после прискорбного случая со мною, бывшего 27 числа мая месяца текущего года, выразившегося в покушении на мою жизнь,⁴³ после чего жена моя, впав в нервный припадок на пять дней после происшествия, не владела в течение двух суток языком.

25-летняя служба в Киеве, день в день, вся была в нервах и безусловно подорвала всю нервную систему.

По всем таким обстоятельствам, приняв решение об увольнении от службы, я беру на себя смелость обратиться к вашему превосходительству, как к моему непосредственному начальнику, с

---

⁴³ Покушение на ген. Новицкого было произведено 27 мая 1903 г. членом партии с.-р. Ф. М. Фрумкиной, за покушение осужденной на 11 лет каторги, которую отбывала в Горном Зерентуе.

настоящею докладною запискою и покорнейшею просьбою — испросить ходатайство его высокопревосходительства господина министра-шефа о всемилостивейшем даровании мне — буде его высокопревосходительство изволит признать продолжительность моей службы заслуживающей внимания, а самую службу полезной, — соответственного денежного пособия единовременно и пенсии в усиленном размере, во внимание к обстоятельству, что я в последнем чине генерал-майора состою уже более шестнадцати лет.

Дарование и размер единовременного денежного мне пособия в безусловной зависимости от усмотрения его высокопревосходительства г-на министра-шефа. О назначении пенсии же в усиленном размере, состоящей также в зависимости и усмотрении его высокопревосходительства и ходатайства вашего, я принимаю на себя смелость доложить вашему превосходительству следующее: не изволите ли признать справедливым ходатайствовать о назначении мне пенсии в том размере, который получает ныне начальник С.-Петербургского губернского жандармского управления генерал Оноприенко, ⁴⁴ на том

---

⁴⁴ *Оноприенко* Виктор Иванович, начальник Пб. губ. жандармского управления.

основании и в том внимании, что я всегда стоял по спискам корпуса жандармов по старшинству службы и в чине несравненно выше генерала Оноприенко; когда генерал Оноприенко, быв еще в штаб-офицерском чине, находился еще в распоряжении начальника С.-Петербургского губернского жандармского управления для производства дознаний, я уже состоял в должности начальника управления 5–6 лет и переслужил генерала Оноприенко многим числом лет в корпусе, после выхода его в отставку. Этим я отнюдь не имею малейшего поползновения умалить службу генерала Оноприенко, но, состоя в должности начальника управления 30 лет сряду, из коих 25 лет выпадает на город Киев, я нес особо ответственные и самостоятельные обязанности, так как при отдаленности высших властей не представлялось никакой возможности получать непосредственные указания и советы, и приходилось в виду экстренности дел безусловно брать все на свою личную служебную ответственность и действовать на свой риск и страх; эти обстоятельства вызывали большие нервные потрясения, отразившиеся безусловно на общем состоянии здоровья, и теперь мне необходимо лечение, соединенное с неизбежными большими расходами. Без здоровья деваться мне с женой некуда, искать же частной службы после такой продолжительной

исключительной службы моей в корпусе жандармов — не легко.

Генералы войск за продолжительную полезную службу, не только бывшие в военных действиях и сражениях с внешним врагом и неприятелем, но и не бывшие в последних, пользуются милостью оставления им по выходе в отставку всего получаемого по службе содержания, в виде пенсии. Чины корпуса жандармов борются с более опасным и тяжелым внутренним врагом, невидимым для глаза, как внешний враг и неприятель видимы, и могут только тогда действовать оружием и отражением, когда производятся на них нападения и покушения, каковые во всех случаях следуют неожиданно или из-за угла, или с употреблением таких мер и приемов, которые сопровождаются особыми махинациями и злодейскими действиями, заранее обдуманными. За военными чинами войск стоит в защиту могучая физическая сила, за чинами же корпуса жандармов в защиту идет один немой закон.

Чины корпуса жандармов, находясь таким образом не месяцы и годы, а всю жизнь, так сказать, на военном положении, на поле битвы тратя все свои силы, здоровье и способность на службу царю и отечеству и перенося с семействами постоянное нравственное беспокойство, а нередко

непредвиденные, незаслуженные и притом безнаказанные оскорбления, казалось бы, могут быть в отношении вознаграждения за прежнюю службу по выходе в отставку приравнены к боевым офицерам и генералам.

Прося позволения говорить с вашим превосходительством искренно и с откровенностью о том положении, в котором я нахожусь в настоящее время, я долгом считаю сказать, что [мое] поведение на должности и в жизни всегда было достойно честного человека и офицера и с этой же честью мне желательно и оставить службу; но неимение мною никаких сбережений при оставлении мною службы ставит меня в невыразимо тяжелое и безвыходное положение с семьею; я имею долги, но не частным лицам, а родным в банке по учтенным мною векселям с женою, — эти долги мне необходимо погасить для дальнейшего сравнительно спокойного существования в отставке. Долги временем образовались от чрезмерно дорогой жизни в городе Киеве и недостатке получаемого мною содержания на службе, представительность которой мне приходилось поддерживать в таком бойком административном пункте, каковым представляется Киев.

Аренда за мою службу была мне обещана несколько раз несколько лет тому назад, но таковую

я не получал.

Не сохранив себе положительно никаких сбережений от службы, я в то же время сделал немалые сбережения казне, а именно: когда с 1884 г. дела во вверенном мне управлении производством настолько усилились, что не было никакой физической возможности управлению помещаться в ограниченном помещении, занимаемом в частном доме канцеляриею, на наем какового денежный отпуск от казны столь ограниченный по городу Киеву, включенному во 2-й разряд по квартирному довольствию, — то я прибег к содействию городского управления, а не казны, и благодаря сложившимся добрым личным отношениям к бывшим городским головам г. Киева, получил для помещения жандармского управления в городском доме бесплатно помещение, с арестантскими камерами и с отоплением от города в 1884 году, и в продолжение 18½ лет сряду пользовался этим помещением бесплатно, и только с 1-го июня 1902 года городское управление потребовало плату 1200 рублей в год, и только благодаря тому, что состав Киевской городской полиции был усилен. Таким образом, в казне за 18½ лет сохранилось сбережения 22 200 рублей. Наконец, и по политическим делам, возникавшим в г. Киеве, немало поступало денег в казну; отлично помню, что обыском в г. Киеве, по моему

распоряжению произведенным у чиновника Киевской контрольной палаты Веледницкого, ⁴⁵ отобрано было 4 тысячи рублей денег, принадлежащих социально-революционному сообществу (по делу Лизогуба), ⁴⁶ которые целиком поступили в доход казны.

Прослужа и проживая в городе Киеве 25 лет, я в Юго-Западном крае никогда не приобретал и не приобрел никаких земельных собственности, считая неудобным по должности, мною занимаемой, входить в какие-нибудь денежные сделки и купли, каковые безусловно все обставляются участием евреев.

---

⁴⁵ *Веледницкий* Василий, чиновник киевской контрольной палаты, предатель. Член киевского революционного кружка. В своих откровенных показаниях осветил работу киевских революционеров, а также организации украинофилов, начиная с 1873 г.

⁴⁶ *Лизогуб* Дмитрий Андреевич (1850–1879). Учился в Пб. Ун-те. В 1874 г. бросил ун-т, посвятив себя делу революционной пропаганды, отдав все свои большие средства на революционные нужды. Пробыв некоторое время за границей, Л. поселился у себя на родине в дер. Листвине. В 1878 г. после процесса Ковальского приехал в Одессу, где был арестован; Одесским военным окруж. судом приговорен к смертной казни и повешен 10 авг. 1879 г.

В. Д. НОВИЦКИЙ

ВОСПОМИНАНИЯ ТЯЖЕЛЫХ ДНЕЙ МОЕЙ СЛУЖБЫ В КОРПУСЕ ЖАНДАРМОВ

Настоящие мои записки, на 65-м году моей жизни написанные, а также и приложение к ним, могут составить, быть может, некоторый материал для будущей истории России и освещения деятельности введенных в записку лиц, занимавших в России высшие министерские и административные должности, с которыми мне неоднократно приходилось по службе иметь деловые политического характера сношения и личные объяснения.

В эти записки я вношу возможно последовательный ход социально-революционного движения в России и выдававшиеся факты и события, известные мне с полной достоверностью. Полного, всестороннего обзора революционного движения я вносить в эту записку не предполагаю, так как отдельные вышедшие из-под пера многих авторов обзоры этого движения известны; они напечатаны в особых изданиях и составляют материал полный, находящийся в архивах бывшего III отделения собственной е. и. в. канцелярии и

департамента полиции. А материал настоящих записок взят мною из архива моей памяти, составляющей дорогой дар природы, одарившей меня широкою воспоминательностью всех протекших событий тяжелого и смутного времени на Руси, и в особенности событий, соприкасающихся с моею службою в корпусе жандармов.

Быв убежденным монархистом, воспитанным в духе полнейшего единодержавия, я представляю из себя человека, всецело преданного русской национальной идее, с которой шло мое служение родине и жизнь: и эта жизнь и служение сливались в одно громадное целое, беззаветно преданное монархам и отечеству.

Такие незыблемые начала, вошедшие в мою кровь и плоть, дают мне право рассчитывать на то, что читатель сих записок отнесется с полным доверием ко всему в сих записках изложенному. Насколько дорога мне Россия, настолько дороги мне и правда и истина, с каковыми я и приступаю к изложению и неотступно буду держаться их.

Последовательным изложением хода событий и фактов, я, быть может, буду грешить, и изложение будет прерываться иногда за пропуском, сделанным невольно, на чем я и останавливаю внимание читателя.

Как ни велика у меня память, но прошлое

тяжелое, сопровождающее мою жизнь и службу, которой я посвятил лучшие годы моей жизни, и освещающее события, — невольно от массы воспоминаний может быть упущено, но не из нежелания скрыть и не поделиться с читателем.

I

Образование корпуса жандармов

Коснусь вкратце исторического образования того учреждения, в коем я служил почти тридцать лет сряду, а именно корпуса жандармов.

Впервые в русской истории и в полном собрании законов встречаемся мы с учреждением жандармов, и в русский язык вводится новое, совершенно неизвестное до того, слово «жандарм» в 1815 году, когда именным высочайшим указом императора Александра I, от 27 августа того же года, данным генерал-фельдмаршалу графу Барклаю-де-Толли, ⁴⁷ повелено было Борисоглебскому драгунскому полку именоваться жандармским полком и нести военно-полицейские обязанности. Жандармы, подобно нынешним

---

⁴⁷ *Барклай де Толли* Михаил Богданович (1761–1818), князь, ген.-фельдмаршал, был главнокомандующим одной из армий в войну 1812 г.

полевым жандармам, были распределены по полкам армии и поставлены были в непосредственное подчинение генерал-гевальдигеру, как военному полицмейстеру, в лагере армии, в главной квартире и в Валенбурге. 27-го декабря того же 1815 года был сформирован, на тех же основаниях, жандармский гвардейский полуэскадрон.

Затем, высочайшим указом 1-го февраля 1817 года учреждены были конные «жандармы внутренней стражи» ввиду необходимости и пользы конных отрядов в составе внутренней стражи. Эти команды жандармов находились в столицах, губернских городах, а также в портовых городах, — Одессе, Таганроге и Феодосии, — в непосредственном подчинении и ведении губернских начальников отдельного корпуса внутренней стражи, причем во главе команд в губернских и портовых городах стояли начальники жандармов на правах ротных командиров, в столицах — дивизионные командиры, начальствующие над двумя эскадронами и подчиненные обер-полицмейстеру. Обязанности конных жандармов внутренней стражи были почти те же, что и современных жандармских дивизионов и городской жандармской команды.

С образованием по высочайшему повелению 3 июля 1826 года III отделения собственной е. и. в. канцелярии, в ведение которого перешли из

упраздненной особой канцелярии министерства внутренних дел все распоряжения по делам высшей государственной полиции, как то: высылка и размещение людей подозрительных и вредных, заведование поднадзорными и местами заключения государственных преступников, дела о раскольниках, иностранцах, подделке документов и фальшивых денег и т. п., — явилась необходимость в создании особого органа для непосредственного собирания сведений и выполнения на месте распоряжений этого учреждения, и для означенных целей, по высочайшему повелению 28 апреля 1827 года, учрежден был корпус жандармов, шефом которого был назначен командующий императорскою главною квартирой и главный начальник III отделения генерал-адъютант Бенкендорф,⁴⁸ впоследствии граф.

По высочайшему повелению 1 июля 1836 г., жандармские конные команды были выделены из состава отдельного корпуса внутренней стражи и переданы в ведомство корпуса жандармов.

Положение 1836 г., почти без всяких

---

⁴⁸ *Бенкендорф* Александр Христофорович (1783–1844), граф, ген. от кавалерии, ген.-адъютант; первый начальник III отделения, в устройстве которого был ближайшим помощником Николая I.

изменений, вошло в свод военных постановлений 1859 г., причем за это время состав корпуса жандармов увеличился учреждением 8-го сибирского округа, включением в состав корпуса жандармских дивизионов, подчинением шефу жандармов состоящих при войсках жандармских частей, а затем учреждением полицейских управлений железных дорог и образованием уездных жандармских управлений шести губерний северозападного края. Таким образом, все без исключения жандармские части к 1867 году были объединены в лице шефа жандармов. В 1867 г. высочайше было утверждено положение о корпусе жандармов и главное управление корпусом сосредоточено в лице шефа жандармов, которому все управления и части корпуса, его составляющие, непосредственно подчинены и находятся в исключительном его ведении, по строевой части — через штаб корпуса жандармов, а по наблюдательной — через III отд. собственной е. и. в. канцелярии, а впоследствии, по упразднении сего отделения, — через департамент полиции. Этим положением все части корпуса, как то: губернские жандармские управления, наблюдательный состав корпуса, а равно уездные жандармские управления, несут обязанности только наблюдательные, содействуя, впрочем, к восстановлению нарушенного порядка только в том случае, когда

будут приглашены к тому местными властями; по собственному же побуждению они принимают непосредственное участие в охранении общественного спокойствия только при неопытности на месте чинов исполнительной полиции; в наблюдательном же отношении, составляющем служебное назначение жандармов, обязанности их определяются особыми инструкциями.

Вышедший закон 19 мая 1871 года, по инициативе шефа жандармов генерал-адъютанта графа Петра Андреевича Шувалова, установив, с одной стороны, правила о порядке действий чинов корпуса жандармов по исследованию общих преступлений, установил, с другой — порядок действий сих чинов по производству дознаний о преступлениях государственных, на основании точных, согласованных с судебными уставами 20 ноября 1864 г. узаконений, и связав с 1871 года действия чинов корпуса жандармов с деятельностью органов обвинительной и судебной власти, вместе с тем ясно определил как порядок действий их чинов, так и степень их ответственности.

Так что действия и производства чинов корпуса жандармов по исследованию преступлений, как уголовных, так и государственных, главным образом, вошли в

область открытую из замкнутой, так как все действия обставлялись не секретными инструкциями производившим их, а присутствием, при каждом из действий, лиц прокурорского надзора, наблюдавших за производствами дел о государственных преступлениях; причем по этому закону чины жандармского корпуса, при производствах, пользовались правами действия на основании устава уголовного судопроизводства, предоставленными судебным следователям по уголовным делам.

Первоначально закон 1871 г. на практике шел туго, причиною чему было непонимание его, с практической стороны, как жандармскими чинами, так и прокурорским надзором и судебными вообще властями, но затем время изгладило все шероховатости, и выработались приемы, усвоившие, без всяких пререканий, их применение на практике.

II

Происхождение автора. — Прохождение службы. — В штабе Харьковского военного округа. — Военно-судные дела того времени

Коснусь вкратце моего происхождения,

получения образования и прохождения службы.

Я происхожу из потомственных дворян псковской губернии, в которой жили мои родители и где отец занимался хозяйством, был помещиком; мать моя — рожденная Бухвостова; по матери мы представляем потомков «первого русского солдата Бухвостова». В Императорское общество любителей древней письменности ⁴⁹ поступил портрет первого русского солдата Бухвостова, оригинал коего находится в екатерингофском дворце; внизу этого портрета помещена следующая интересная надпись: «первый русский солдат Сергей Леонтьевич сын Бухвостов из придворных служителей при начале военной потешной службы первейшим в оную самоохотно предстал, потому государь Петр Великий тогда же сим первенством почтить его соизволил, служа потом в л. — гв. Преображенском полку бомбандиром до обер-офицера; был в разных баталиях и многократно ранен. Покойный служил артиллерии майором. Хотя его величество во многих случаях

---

⁴⁹ Общество [Любителей] древней письменности и искусства основано в 1877 г. кн. П. П. Вяземским и гр. С. Д. Шереметьевым. Одна из основных задач о-ва — это воспроизведение в виде факсимиле старинных рукописей, преимущественно лицевых.

изволил оказывать и дальнему его повышению свое монаршее благоволение, но он по своей набожности и кротости всячески избегал излишнего словолюбия; род. 1642, ум. 1728». В императорской С.-Петербургской публичной библиотеке находится бюст Бухвостова.

Образование я получил в Новгородском графа Аракчеева кадетском корпусе, а окончил образование в Константиновском кадетском корпусе, из которого произведен в офицеры в 1859 году, со старшинством 1858 г., в Астраханский драгунский полк, от коего был командирован в Елисаветградское кавалерийское училище, где также кончил курс по кавалерийской собственно-специальной службе; год я находился и в Образцовом кавалерийском полку, где было положено первоначальное обучение кавалерийской езде и службе.

С 1867 г. по 1871 год я находился на службе в должностях старшего адъютанта штабов местных войск харьковского военного округа. Эта служба научила меня многому и приурочила к письменной части самого разнообразного свойства и характера, и вместе с тем она внесла в мои познания ознакомление со следственною частью и производствами, чему я, главным образом, был всецело обязан опытнейшему в делах, с громадными познаниями, начальнику местных

войск харьковского военного округа генерал-лейтенанту Павлу Евгеньевичу Неелову, честнейшему во всех отношениях человеку, службисту и дисциплинару, который имел ко мне громадное личное доверие по службе.

В штабе местных войск находилась масса следственных дел, включавших в себе громадные производства отдаленных, старых времен, за десятки лет назад; дела эти не двигались вперед, покоились непробудным сном и выжидали своей очереди поступить на рассмотрение бывших аудиторов, кои составляли по ним заключения и представляли на резолюции начальника местных войск, штаб которого получил эти дела незаконченными от управлений упраздненного корпуса внутренней стражи после войны 1853–1856 годов. Какая масса лиц по этим делам находились под следствием на половинном содержании и выжидали десятки лет окончания и разрешения сих дел, имевших десятки томов на каждое дело! Генерал Неелов заметил, что главный аудитор штаба Червинский стал увешиваться дорогими брелоками на часовых цепочках и не менее дорогими кольцами и перстнями с бриллиантами на почти всех пальцах своих рук, и поручил мне, как старшему адъютанту, взять от г-на Червинского к рассмотрению и заключению следственные дела, особо залежавшиеся без движения.

Из этих дел назову три, дабы охарактеризовать бывшую в то время аудиторскую деятельность.

Дело начальника кременчугской местной команды майора Забелло, в бесчисленных томах, по злоупотреблениям по службе; вся вина Забелло установилась в том, что Забелло не выполнил закона о закрытии на замок дверей, ведущих на чердак казармы, через что нижние чины команды краденые казенные вещи и имущество носили на чердак, где образовался склад краденых вещей казенных и частных, и, сверх того, те же нижние чины выпилили брусья из балок и, отвинтив металлические гайки, скреплявшие потолочные брусья и стропила, пораспродавали их. Между тем, за это дело майор Забелло находится под следствием несколько лет, и дело, при моем рассмотрении, закончилось наложением на него дисциплинарного взыскания, без всякого ограничения по службе; большая же часть нижних чинов, привлеченных обвиняемыми, оказались умершими и в безвестной отлучке.

Дело командира резервного запасного батальона полковника Курнатовского, находившегося более десяти лет под следствием, заключалось в обвинении его в безвластии, за то, что он допустил, хотя и неумышленно, продажу казенного пороха из полкового погреба и буйство

почти всех офицеров батальона на улицах гор. Белгорода в пьяном виде, каковые буйства сопровождалась разбитием трактиров, ресторанов и кабаков, в самом городе находившихся. Для читателя покажется странным, какими офицерами был снабжен этот батальон, и вот, я объясню, почему весь состав батальона был таков: во время войны, за недостатком офицеров, в войска принимались все без различия, офицеры из отставных, большинство которых были — поголовные пьяницы, пропойцы, алкоголики; когда война была закончена, то всех этих офицеров из полков поперевокали в резервные запасные батальоны, которые предназначались к расформированию и упразднению, а офицеры — к увольнению в отставку. Но до упразднения и расформирования этих запасных батальонов и увольнения офицеров в отставку, эти батальоны и офицеры представляли из себя что-то поистине ужасное по составу, и командир батальона был поставлен в безвыходное, невозможное служебное положение, ибо не представлялось возможности найти среди этих офицеров хоть одного, сколько-нибудь подходящего по нравственным качествам для занятия должности адъютанта батальона и заведующего хозяйством, через что казенное имущество, и в том числе и казенный порох из погреба, расхищалось и нагло и открыто

на глазах продавалось. Между тем полковник Курнатовский был гвардейский офицер, честнейший и отличный начальник и человек и представлял лучшего командира кадетской роты Аракчеевского кадетского корпуса, в котором я воспитывался и знал его с такой стороны. Дело Курнатовского было закончено, и было лишь вменено ему в наказание продолжительное нахождение под следствием, что физически его сильно потрясло, настолько, что он, после окончания над ним дела, вскоре умер.

Третье дело — самое замечательное по своему производству, содержанию, числу обвиняемых и по злоупотреблениям и неправильному вытребованию от казны сотни тысяч рублей командиром курского гарнизонного батальона полковником Лаппою. Это дело иначе нельзя назвать, как грандиозным, по доходившим злоупотреблениям, касающимся неправильных требований от казны денег приварочных на продовольствие на небывших низших чинов налицо в батальоне, умерших, на которых требовалось от казны все довольствие как денежное, так и имущественное, в продолжение нескольких лет сряду; злоупотреблениям по части рекрутского набора, обмундированию и снаряжению солдат и рекрут и снабжению, как последних, так и арестантов теплою одеждою и полушубками. Это дело, по ознакомлении с ним,

ввело меня в область таких познаний, по части злоупотреблений того времени, каковые не могли даже запасть в голову моих соображений и мечтаний. Из этого дела я только понял и узнал, что в себя включала должность командира «гарнизонного» батальона каждого губернского города того времени и лиц, ведавших казенными деньгами и громадным имуществом этих батальонов, — лиц, которые, вместе с командиром батальона и батальонными писарями, наживали себе громадные, целые состояния и капиталы, от упомянутых злоупотреблений и ремонтов громадных казарм этих батальонов и от роспуска от службы, по домам, в продолжительные отпуска рекрутов, с коих брались за это громадные деньги. Это дело поставило меня в курс дела, почему командир губернского гарнизонного батальона считался первым лицом по богатству в губернском городе, по роскошным приемам в частной жизни и быту. Дом командира гарнизонного батальона был первый в губернском городе. Командиры гарнизонных батальонов — все были из гвардии, где они проживались и наживали большие долги и откуда затем всеми силами стремились не к получению армейских полков, а губернских батальонов, во время командования которыми уплачивали все гвардейские долги и становились затем поистине богатейшими людьми из

беднейших. Это фактически верно и достоверно. К числу таких командиров гарнизонных батальонов принадлежал полковник Лаппа, составивший себе громадное состояние чрез злоупотребления по службе, успевший скрыть таковое, до суда умерший, но втянувший в дела злоупотреблений своих не мало совершенно молодых, неопытных офицеров, попавших к нему на службу в батальон из кадетских корпусов и подписывавших и скреплявших требование от казны денег и материалов по ведомостям, составляемым особыми приближенными к Лаппе старыми и опытными писарями, плутовскими и мошенническими приемами которых втягивались неопытные юнцы-офицеры. Прodelки этих писарей, с рядом подлогов в неправильных требованиях от казны денег, положительно представляются сказочными, а не действительными, тогда как в действительности таковые были изо дня в день, из года в год и были только обнаружены чрез несколько лет их существования. Следствие многого интересного в этом деле не обнаружило и не установило, потому что масса документов исчезла из дел посредством прямого их выкрадения из дел. До чего доходили в этом деле махинации Лаппы, писарей и обвиняемых, не поддается описанию. Полковник Лаппа в этом деле представлял из себя действительно лапу, но только железную, которою

награбליвались деньги и русское золото из государственного казначейства и из рук рекрут и их родственников, за один отпуск рекрут в домашние отпуска за деньги.

Прохождение мною службы, нележкой в штабе местных войск харьковского округа, в должности старшего адъютанта штаба, под руководством опытного, дельного генерала труженика П. Е. Неелова, ознакомило меня в полноте с хозяйством войск, вообще с законами и следственными производствами; а затем служба в должности же адъютанта, в штабе харьковского округа, еще более усвоила мне познаний по различным областям знаний, к которым я сам стремился вследствие любознательности моего характера, сопровождавшегося молодым возрастом и цветущим состоянием здоровья, коими я свободно покорял труд письменных занятий по службе, к каковым относился с особою любознательностью и вниманием, что и послужило основанием рекомендации меня на должность старшего чиновника особых поручений 5 класса при войсковом наказном атамане войска Донского, генерал-адъютанте М. И. Черткове, бывшем впоследствии киевским, а затем варшавским генерал-губернатором.

Служба на Дону при М. И. Черткове. — Казачьи привилегии. — Казачий Чичиков. — Грабежи и хищения

Служба на Дону была нелегкою; нелегкость ее усугублялась еще тем, что я по происхождению не был казаком, хотя и был, с назначением на вышесказанную должность, переведен в л.-гв. казачий его величества полк. Казаки-донцы неохотно принимали в свою среду лиц, по происхождению не из казаков, относились к ним враждебно, называли их «иногородними» и в лице их видели своих недоброжелателей, попиравших права казачества и казакomanства, так как то время совпадало с упразднением многих обособленностей Донского края, а именно, главным образом, с упразднением закона о наделении казачьих офицеров по чинам земельными наделами и с отменой закона по предмету недоступности права приобретения «иногородними» казачьих земель и городских угодий, домов и прочих городских имуществ. Словом, Донской край делался общедоступным во всем и, главным образом, по приобретению земель и городских домов, угодий и имуществ для всех русских и иностранных граждан, что казакам было, естественно, и не по характеру и по внедрившемуся в казачью плоть и кровь убеждению, что все войсковое имущество и земли

составляют достояние одних казаков. ⁵⁰ К войсковой собственности казаки относились так, что они все считали своим достоянием, даже войсковую казну, на которую простирали свое право самым незатейливым образом и приемами. Но всему этому был положен конец во время управления военным министерством генерал-адъютантом графом Милютиным. ⁵¹ Громадные рыбные ловли, нескончаемые задонские степи и кочевья были приведены в известность, и право владения этими землями не на глаз, как это было, определялось с точностью и законностью; станичные юрты стали тоже в определенные границы, и право пользования казака 35 дес. земли строго определялось, хотя и отдаленным законом 1865 года, но все-таки законом, а не произволом. Хотя казаки и мирились с этими законодательными нововведениями, но туго, тяжело; на войсковую

---

⁵⁰ Казаки говорили, что «русским может быть каждый, а казаком нужно родиться». — *Примечание автора.*

⁵¹ *Милютин* Дмитрий Алексеевич (1816–1912), граф, ген.-адъютант, ген.-фельдмаршал. В 1858–1881 гг. военный министр и главный деятель военных преобразований. При Александре III и Николае II не принимал активного участия в государственных делах, оставаясь членом Гос. совета.

казну и собственность смотрели легко, и зачастую приобретали право на эту собственность всевозможными незаконными путями и способами, в подтверждение чего приведу выдающееся следственное дело на Дону, которое пришлось мне производить, как «иногороднему», но не казаку, ибо на следственное производство этого дела из казаков никто не шел, и атаман поневоле возложил такое на меня.

Дело состояло вот в чем: существовал закон, конечно, всецело разделяемый казачьим населением, но не всем знакомый и известный до возникновения по сему дела, потому что многие и очень многие его совершенно не знали; закон этот давал право тем казакам-дворянам, за которыми числились по окладным книгам казенной донской экспедиции (палаты) крестьянские души по 10 ревизии, — пользоваться правом получения на каждую числящуюся душу по 5 десятин земли; это вызвало страшное злоупотребление через неправильно-выдаваемые справки из казенной экспедиции о душах, кои числились за помещиками-казаками-дворянами; явился из донских казаков хорунжий Когальников, который начал скупать эти души и получать землю на них, при посредстве, главным образом, названной экспедиции и пособничестве служащих в гражданской донской палате; в экспедиции был

главным пособником заведовавший окладными книгами казак Лобов, а в палате дьяк Попов, и сверх того, масса пособников было в комиссии по размежеванию войсковых земель, снабжавшей землю на купленные души. Когальников совершил массу подложных купчих крепостей от таких лиц, которые десятки лет назад поумирали; другие, находившиеся в живых, совершенно даже не знали о числящихся за ними по окладным книгам крестьянских душах; причем для запутания дела и скртия всяких следов, души перепродавались из одних рук в другие, на имя лиц, в действительности не существовавших или же давно умерших, и полученные в надел на эти души земли тотчас же распродавались такими же путями и способами, и таким образом дела запутывались всевозможными махинациями, к числу которых, между прочим, должна быть отнесена и выдача подложных паспортов и видов из атаманской канцелярии, о чем также было следственное производство. Хорунжий Когальников был на Дону в 60-х годах тот же Чичиков. По этому следственному делу возвращены были десятки тысяч десятин земли в войсковую собственность из частных рук, завладевших неправильно и незаконно казенными войсковыми землями. Производить следствие по этому делу было не только не легко, но даже опасно; при поездках по области приходилось

оберегать себя не только ночными, но даже и денными караулами.

Вот, в общем, как казаки смотрели на войсковую казенную собственность: в г. Новочеркасске десятки лет строился в центре города собор, стоивший войсковой казне миллионы и неоднократно обрушивавшийся от дурной постройки, а, может быть, и от умышленных ошибок инженеров, архитекторов, строителей; от обрушивавшегося собора была масса миллионов кирпича, который свободно разбирался, расхищался, на глазах властей и комиссии, и свозился прямо в иные усадьбы для постройки домов; конечно, смотритель собора существовал, место обвалившегося собора было ограждено забором, но это отнюдь не отстраняло расхищение кирпича, каковой увозили, говоря, что это — войсковое имущество, принадлежащее каждому казаку. Были назначаемы атаманом следствия по хищению кирпича, но таковые делу не помогали, и кирпич продолжали раскрадывать и расхищать самым бесцеремонным образом.

Сильные хищения войскового имущества были во времена почти всех правящих Донскою областью наказных атаманов, но они были особо велики во время атаманства Граббе⁵² — слабостью

---

52 *Граббе* Павел Христофорович (1787–1875),

и доброю характером которого казаки пользовались во вред. Во время атаманства Потапова и Черткова войсковая казна оберегалась, но все-таки с недостаточною настойчивостью.

Войсковою наказный атаман войска Донского генерал-адъютант М. И. Чертков, при котором я состоял на службе, был честным человеком во всех отношениях, желал войску добра и поднятия его в экономическом отношении, но все начинания его ни к чему, в действительности, не сводились и имели недостаточный и нежелательный результат чрез непопулярность его в Донской области: он был нелюбим, по недоступности своего характера, врожденной гордости, а женитьба его на женщине, по происхождению — еврейке, которая была ненавистна всему Дону по непопулярному, по отзыву казачества, до крайности своему направлению и характеру и по вмешательству в служебные дела мужа; казаки одолевали семейство Чертковых безымянными ругательными письмами, что страшно восстанавляло все семейство против казаков. Эти обстоятельства и заставили Черткова оставить службу на Дону, несмотря на все личное расположение и доверие к нему государя

ген.-адъютант. Член Гос. совета. Донским войсковым атаманом был в 1865—1866 гг.

императора Александра II-го, у которого он был сильно поддерживаем и родственником своим, женатым на его родной сестре Елене Ивановне, по первому мужу графини Орловой-Денисовой-Никитиной, вышедшей замуж после смерти мужа за бывшего шефа жандармов графа Петра Андреевича Шувалова, пользовавшегося также особым расположением и доверием государя императора Александра II.

При атамане Черткове на Дону проведены в жизнь казаков существенные законы и положения, которые все-таки не установили за ним популярности и любви среди казаков. Таковые законы и положения касались: освобождения казачьих офицеров и чиновников от обязательной службы, о дозволении лицам казачьего сословия исключаться из оногo, перечисляться в другие войска, служить вне своих войск, о зачислении в казачьи войска лиц не войскового сословия. Сверх того, состоялось положение об обеспечении генералов, штаб и обер-офицеров и классных чиновников Донского войска и их семейств, радевших или имевших право на владение срочными земельными участками с предоставлением таковых в потомственную собственность. Этим положением состоялось прекращение надела земельными участками всех казачьих офицеров, но предоставлено им право, во

время нахождения при войске на льготе, пользования денежным содержанием от войска в половинном размере, против следуемого им жалованья по чину, а при выходе в отставку — пенсиями. Этот закон сохранил массу войсковых земель в собственности войска, так как наделение срочными земельными участками влекло массу злоупотреблений и хищений общественных войсковых земель.

Сверх того при атамане Черткове был положен конец назначению командирами казачьих полков с Дону на внешнюю службу полковников, по старшинству и по очереди, по общему кандидатскому списку, в который вносились все без исключения полковники, какие бы они должности, как гражданские, так и военные, ни занимали. Таким образом, лица, состоявшие в чинах полковников и достигнувшие сих чинов при бытности их исключительно и только на гражданской службе, никогда на конях не сидевшие, и пик в руках не державшие, по дошедшей до них очереди по кандидатскому списку получали полки, вели их для отправления службы за пределами войска и не были совершенно ознакомлены со строевою военною службою. Получения полков выжидали все полковники с целью, конечно, обогащения от командования полками, нажития состояний, несомненно, на счет

своих же донских казаков-урядников и простых казаков. В результате получалась на Дону, по возвращении полков с внешней службы на Дон, такая картина: полк входил в пределы войска без командира полка, который, укрываясь, из боязни, от казаков полка, исчезал в неизвестное пространство, а на границе области полк встречался командированными атаманом генералами и штаб-офицерами для опроса претензий казаков, и претензии были таковы, по громадности злоупотреблений, что приходилось почти всех командиров полков предавать суду. Только по одному отпуску от казны оставались деньги полностью у казаков, а именно — «ремонтные», так называемые «стремянные», которые, по установившемуся обычаю, казак должен был, по возвращении с внешней службы, полностью вручить своей жене. Об этом, как говорил мне М. И. Чертков, было доложено им лично государю императору Александру II-му, с ходатайством об упразднении существовавшего общего кандидатского списка на получение казачьих полков полковниками, с тем, чтобы командирами полков назначались полковники по личному избранию и аттестации наказного атамана. Император Александр II, горячо любивший донских казаков и казаков вообще, встретил это ходатайство немилостиво, и изволил отозваться в